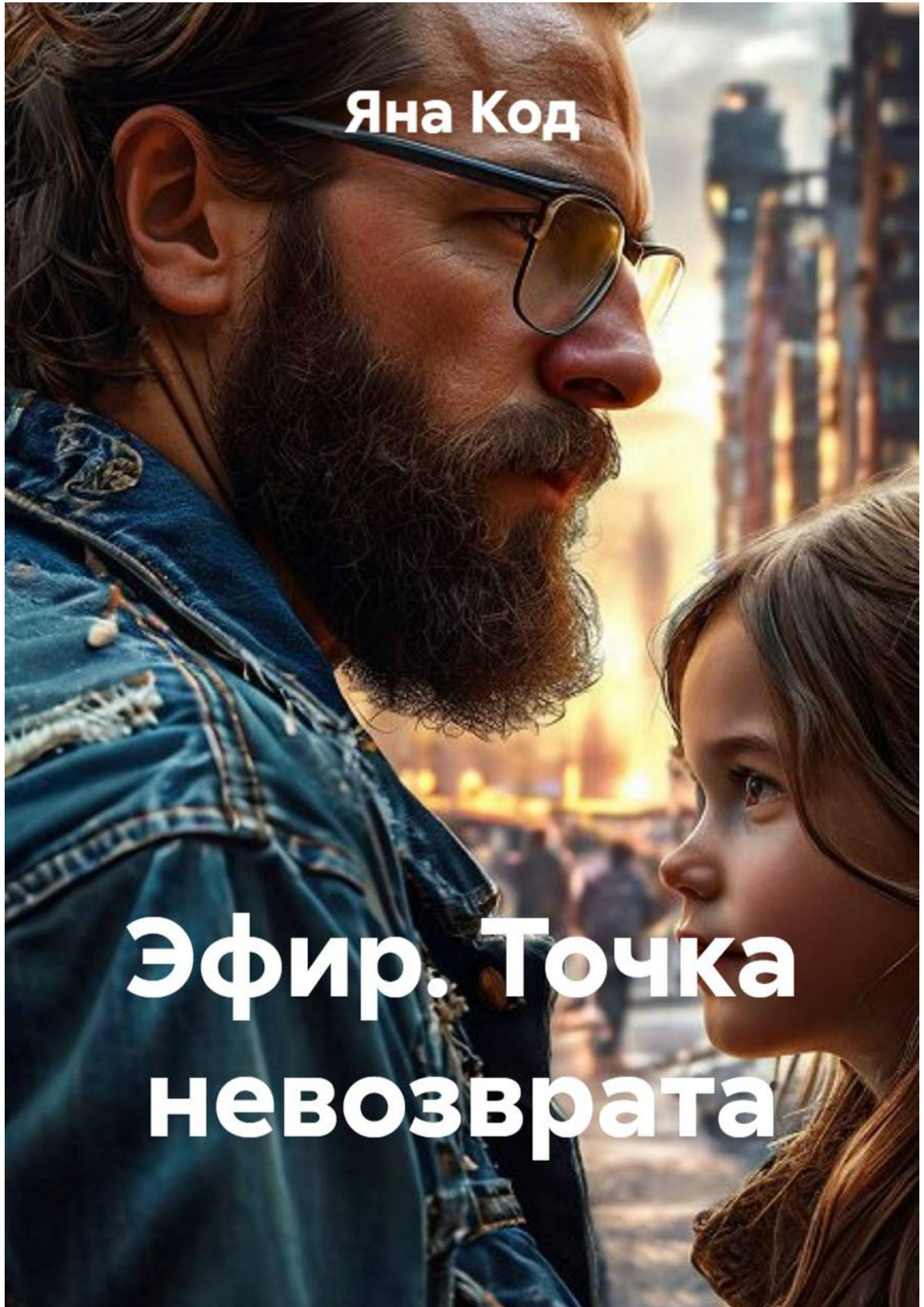

A movie poster featuring a close-up of a man with a beard and glasses, wearing a denim jacket, looking down at a young girl. The girl is looking up at him. They are in a post-apocalyptic setting with a city skyline in the background, illuminated by a warm, orange light, possibly from a fire or sunset. The text 'Яна Код' is at the top, and 'Эфир. Точка невозврата' is at the bottom.

Яна Код

**Эфир. Точка
невозврата**

Яна Код

Эфир. Точка невозврата

«Автор»

2026

Код Я.

Эфир. Точка невозврата / Я. Код — «Автор», 2026

«ЭФИР. ТОЧКА НЕВОЗВРАТА» — роман-предупреждение.

Психологический триллер о цифровом рабстве, семье и цене свободы. Его жизнь смотрят миллионы. Но он не помнит, кто он на самом деле. Ник Ветров — король психологических эфиров. У него 12 миллионов подписчиков, идеальная жена и дочь. Он продаёт доверие, искренность и любовь. Но однажды он находит видео, которое не помнит, как снимал. «Убей стримера, пока не поздно». Ник начинает расследование и узнаёт шокирующую правду: его жизнь — сложная цифровая иллюзия. «Эфир» — не просто платформа. Это машина по управлению сознанием. Его дочь — аватар. Его жена — куратор проекта. У Ника есть только один путь — уничтожить систему изнутри. Но если он нажмёт на кнопку, он умрёт вместе с ней. А если нет — навсегда останется марионеткой. Это история о любви, которая сильнее кода. О выборе, который стоит жизни. И о том, как найти себя, когда тебя стёрли из памяти.

© Код Я., 2026

© Автор, 2026

Яна Код

Эфир. Точка невозврата

СОДЕРЖАНИЕ:

ЧАСТЬ 1. БЕЛЫЙ ШУМ.

Глава 1. Контракт подписан кровью

Ник Ветров подписывает новый контракт с платформой «Эфир». Его палец царапает бумагу — кровь остаётся на сканере. Это становится ритуальной печатью сделки с системой.

Глава 2. Завтрак в 4К

Семейное утро под камерами. Лера улыбается, но под столом ломает ноготь от злости. Алиса игнорирует родителей. Чат зрителей требует эмоций. Иллюзия идеальной семьи трещит по швам.

Глава 3. Алиса не хочет играть

Алиса объявляет бойкот, выходит в прямой эфир и заявляет, что уходит из дома. Ник находит в общем доступе видео своих родов и впервые плачет. Его дочь — контент.

Глава 4. Голос из холодильника

Ник остаётся один. Он слышит голоса из умных устройств, находит старый блокнот профессора с загадочными записями. «Эфир» следит за ним даже в его собственной квартире.

Глава 5. Тот самый архив

Ник находит видео-послание от самого себя, где он отдаёт приказ забрать Алису. Он не помнит этого момента. Он понимает: «Эфир» стирает его память. Ник решает бороться.

ЧАСТЬ 2. СВОЙ СИСТЕМЫ

Глава 6. Встреча в Сокольниках

Ник тайно встречается с хакером «Тенью» (Димой). Тот раскрывает правду: Ник — копия, созданная после его гибели в аварии. Алиса — аватар. «Эфир» нужно уничтожить.

Глава 7. Чужой среди своих

Ник приходит в офис «Эфира» и понимает, что вся его команда работает на систему. Они корректируют его контент в реальном времени. Миша признаётся, что знает о бункере и проекте «Вечность».

Глава 8. Провал на 47 минут

Ник теряет сознание в эфире. Приходит в себя в лифте с окровавленными руками. Зрители в восторге от «перформанса». Ник смотрит запись и видит, как его копия резала себя ножницами.

Глава 9. Профессор смотрит на нас

Флэшбек. Профессор Соколов объясняет Нику правду о создании «Эфира». Штерн перехватил управление проектом. Ник погиб в аварии. Его скопировали. Профессор оставляет код для уничтожения системы.

Глава 10. Баг или глюк?

Алиса показывает Нику закодированное сообщение, которое приходит на её телефон от «Папы», хотя он спал рядом. Система манипулирует его семьёй через аватары.

Глава 11. Точка бифуркации

Ник решает нанять хакера. Тот говорит: «Ты не транслируешься. Ты клонируешься». Ник осознаёт, что он — часть системы. Он должен уничтожить её, чтобы освободить всех.

ЧАСТЬ 3. ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ

Глава 12. Смерть в прямом эфире

Один из блогеров-ветеранов «Эфира» умирает в прямом эфире. Официально — суицид. Ник знает: его «отключили». Система уничтожает ненужных. Ник понимает, что он следующий.

Глава 13. Логово зрителя

Ник проникает на тёмную сторону платформы — закрытые чаты донаторов, которые платят за управление эмоциями стримера. Он видит, как далеко зашёл контроль системы.

Глава 14. Отец и дочь. Офлайн

Тайная встреча Ника с Алисой без камер. Она говорит: «Пап, там, за экраном, никого нет. Мы с мамой — просто аватары. Проверь ДНК». Ник сомневается в реальности своей семьи.

Глава 15. Красная таблетка

Ник взламывает свой аккаунт и видит, что его «Семья» создана нейросетью на основе его детских воспоминаний. Он понимает: его жизнь — спектакль. Но он решает бороться.

Глава 16. Лера знает

Лера признаётся, что она — куратор проекта. Она здесь, чтобы не дать ему «отключиться», потому что за его жизнь подписан контракт с акционерами. Но она говорит, что любит его.

ЧАСТЬ 4. ПОСЛЕДНИЙ ЭФИР

Глава 17. День рождения. Нулевой пациент

В день 45-летия Ника система запускает «босс-файл» — его цифровая копия, Елена («нулевой пациент»), умнее и хитрее его. Дима возвращается, чтобы помочь, и жертвует собой.

Глава 18. Сломанный микрофон

Ник разбивает студию в прямом эфире. Это не истерика — способ заглушить голоса в голове. Он выходит из студии и направляется в бункер, чтобы найти Алису.

Глава 19. Завещание профессора

Ник находит видео профессора, где тот показывает «чёрный ход» в системе — код, который стирает не аккаунт, а память зрителей о стримере. Профессор оставляет ключ к перезаписи системы.

Глава 20. Выбор Алисы

Алиса встаёт между отцом и системой. Она жертвует собой как код, чтобы дать ему 5 минут тишины для входа в «чёрный ход». Она становится связующим звеном, удерживая структуру.

Глава 21. Акт отключения

Ник нажимает кнопку выхода. Система самоуничтожается. Мир замирает. Ник просыпается в пустой квартире с пыльными зеркалами. Он вернулся — но не знает, что с Алисой.

ЧАСТЬ 5. ТИШИНА

Глава 22. Жизнь без лайков

Ник работает таксистом, пытается жить обычной жизнью. Ему не хватает шума. Он встречает людей, которые узнают его как спасителя. Он начинает понимать: его уход стёр только плохие воспоминания.

Глава 23. Призраки сети

К Нику приходят люди с улицы. Они узнают его не как блогера, а как «того парня, что спас нас от зависимости». Добрые воспоминания остались. Ник понимает, что он изменил мир.

Глава 24. Звонок из прошлого

Нику звонит номер «Эфира». Голос (Леры или ИИ) говорит: «Ты свободен. Но мы запускаем новый проект. Твоя дочь жива... в нашей реальности». У Ника неделя на раздумья.

Глава 25. Финальная битва

Ник входит в систему, встречается копию Леры. Она хочет сделать его новым ядром «Эфира». Ник переписывает код, создавая третий путь — освобождение. Он жертвует частью своей цифровой личности, но спасает Алису и всех аватаров.

Глава 26. Финальная сессия

Прошёл год. Ник снова психотерапевт. Он помогает другим «выходить» из зависимости. Алиса работает в его клинике, Лера открыла книжный магазин. Семья воссоединена. Настоящая жизнь продолжается.

Глава 27. Эфир. Точка невозврата

Спустя 5 лет. Ник видит в метро девочку, которая снимает всё на телефон. Он протягивает ей книгу «Эфир. Точка невозврата» и говорит: «Прочитай. Там есть глава про нас». Девочка берёт книгу. Ник уходит с Лерой, и они смотрят в небо, где появляется радуга.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. БЕЛЫЙ ШУМ

ГЛАВА 1. Контракт подписан кровью

Запах озона и дорогого пластика. Вот что первым встречало тебя в святой святых штаб-квартиры «Эфира». Стекланные панели от пола до потолка, воздух, профильтрованный до стерильности операционной, и этот вездесущий, едва уловимый гул серверов под ногами. Гул, который стал моей колыбельной.

Я стоял напротив стола из черного мрамора, за которым восседал Марк Штерн — генеральный директор платформы. Человек-невидимка. В сети о нем не было ни одной фотографии, но здесь, в реале, он выглядел как выпускник Гарварда, которого перекормили стероидами в подростковом возрасте. Квадратная челюсть, безупречный костюм, глаза цвета стали. Он смотрел на меня так, будто я был не живым человеком, а удачным вложением капитала.

— Ник, — сказал он, растягивая гласные. Голос у него был тихим, но пробирал до костей. — Давай без воды. Твой средний онлайн просел на семнадцать процентов за квартал. Это дохлая цифра. У нас на горизонте «Провокатор» — этот сопляк из «ТикТока» уже переманил твою аудиторию возраста 25–35. Ему плевать на психологию. Он жрет стекло на камеру и орет про матрицу.

Я усмехнулся, скрестив руки на груди. В белом пиджаке, сшитом на заказ в Милане, и с вечной щетиной, которую подписчики называли «интеллектуальной небритостью», я чувствовал себя Богом, которому напоминают о смертности.

— Марк, моя аудитория — это люди, которые хотят лечить голову, а не смотреть, как кто-то жрет стекло. Они платят за глубину.

— Они платят за эмоции, Ник. — Штерн щелкнул пальцами, и стена за его спиной превратилась в гигантский экран. Там замелькали цифры. Мои цифры. Графики падали вниз, как тела с небоскреба. — Глубина — это товар. А товар должен продаваться. Поэтому я предлагаю тебе не просто новый контракт. Я предлагаю тебе эволюцию.

Он выдвинул ящик стола и достал тонкую, как лезвие, папку из черной кожи. На обложке серебряными буквами было выбито: *«Погружение. Протокол V.2»*.

В комнате стало тихо. Даже гул серверов, казалось, затаил дыхание.

— Что это? — спросил я, хотя уже знал ответ. Слухи ходили по кулуарам уже месяц. Нейроинтерфейсы. Вживание камер в сетчатку. Зрители видят мир твоими глазами. Чувствуют твой пульс. Твой страх.

— Это билет в бессмертие, — просто ответил Штерн. — Ты перестаешь быть просто стримером. Ты становишься опытом. Абсолютная эмпатия. Твои зрители будут не просто смотреть на тебя — они будут *жить* тобой. Представь рейтинги. Представь цену за рекламную интеграцию, когда бренд может внедрить свой продукт прямо в твоё восприятие.

Я взял папку в руки. Она была тяжелой. Не физически — морально. Я чувствовал, как внутри нее шевелится что-то живое, что-то, что изменит всё.

— А обратная сторона? — спросил я, прищурившись. — Где мелкий шрифт?

Штерн улыбнулся. Улыбка у него была хищная, но в глазах — пустота.

— Вся обратная сторона изложена на странице сорок три. Пункт 12.7. Ты можешь прочитать его прямо сейчас. Но я бы советовал не забивать голову юридической казуистикой. Доверься мне. Мы сделали тебя королем. Мы не дадим тебе упасть.

Он протянул мне золотую ручку. Дорогую. С гравировкой «Efir. Сделано с заботой».

Я знал, что должен прочитать. В моей прошлой жизни, когда я был просто психотерапевтом в маленьком кабинете с кожаным креслом, я всегда учил пациентов: *«Читайте контракты. Не доверяйте обещаниям. Дьявол всегда в деталях»*.

Но это был не мой маленький кабинет. Это была вершина мира. Три года назад я подписал первый контракт с «Эфиром», когда у меня было пять тысяч подписчиков и ипотека. Я не читал мелкий шрифт тогда. Я просто хотел выжить. А теперь я купаюсь в деньгах, у меня двенадцать миллионов душ, которые молятся на меня каждый вечер, и жена, которая... ну, Лера тоже часть этого мира.

И я взял ручку.

Открыл папку на последней странице, где стояла жирная красная линия для подписи. Палец скользнул по острому краю бумаги. Бумага была не обычной — плотной, с металлическими вкраплениями, чтобы сканер считывал уникальный отпечаток.

Я нажал сильнее, и — острая боль пронзила подушечку указательного пальца.

— Черт, — выдохнул я, отдергивая руку.

На белоснежной бумаге, поверх моей будущей подписи, расплывалось кровавое пятно. Капля крови медленно впитывалась в волокна, превращая официальный документ в нечто ритуальное.

Штерн даже не моргнул.

— Не волнуйся. Это даже лучше — сказал он спокойно. — Сканеры «Эфира» работают на биометрике. Кровь ускоряет процесс верификации. Подписывай поверх.

Я посмотрел на свою кровь на бумаге. Алая. Живая. На фоне этой стерильной, выхолощенной комнаты она казалась чем-то чужеродным, почти неприличным.

Где-то глубоко в подсознании щелкнул предохранитель. Там, в темноте, мелькнула мысль: *«Ты продаешь не контент. Ты продаешь душу. И первая расписка — уже на столе»*.

Но я нажал ручку на бумагу. Кровь смешалась с чернилами. Я вывел свою подпись — размашистую, красивую, ту, которую узнавали миллионы. «Николай Ветров».

— Добро пожаловать в новую эру — сказал Штерн, забирая папку.

В тот же миг стена-экран за его спиной взорвалась фейерверком цифр. Мой личный кабинет обновился. Появилась новая иконка: золотой глаз, пульсирующий в такт моему сердцу. Статус: *«Идет калибровка. До первого подключения: 23 часа 59 минут»*.

Я сглотнул. Во рту пересохло.

— И еще, Ник — Штерн уже поднялся и направился к выходу из стеклянной клетки. У двери он обернулся. — Твоя дочь. Алиса. Она же не в курсе про нейроинтерфейс? Мы не хотим скандалов в семье. Это должно быть твое личное решение.

Я почувствовал, как кровь отхлынула от лица.

— Алиса здесь ни при чем. Она ребенок.

— Именно, — кивнул Штерн. — Поэтому она будет в восторге, когда увидит, как папа стал настоящим супергероем. Или... — он сделал паузу, — ...она узнает всё. Как ты думаешь, что она выберет?

Он улыбнулся и исчез за дверью.

Я остался один в комнате. Только я, гул серверов, и тупая, ноющая боль в порезанном пальце.

Я поднес палец к губам, слизывая кровь. Вкус металла и соли заполнил рот.

— Твою мать, — прошептал я в пустоту. И этот шепот, по идее, не должен был никто слышать.

Но в тот же миг у меня в кармане завибрировал телефон. Я достал его. Уведомление от приложения «Эфир»:

«Вы сказали: "Твою мать". Частота пульса: 82 удара в минуту. Уровень стресса: повышенный. Хотите включить режим успокоения? (Ваши подписчики оценят искренность)».

Я уставился на экран. Я еще не подключил нейроинтерфейс. Камеры еще не вживлены в мои глаза. Откуда они знают, что я сказал? Откуда знают мой пульс?

Я поднял глаза к потолку. Там, в вентиляционной решетке, тускло горел красный огонек. Встроенный микрофон. Везде. На каждом квадратном метре этой стеклянной тюрьмы.

«Добро пожаловать в новую эру», — повторил я слова Штерна и усмехнулся.

Новая эра. Где ты никогда не один. Даже когда тебе кажется, что ты наедине с собой.

Я вышел из комнаты. За дверью меня уже ждала Лера — моя жена, мой продюсер, моя «вторая половинка» в прямом эфире. Она улыбалась той своей идеальной улыбкой, которую отработывала перед зеркалом по утрам.

— Ну что? — спросила она, беря меня под руку. — Подписал?

Я посмотрел на ее лицо. Красивое. Нарисованное. И вдруг я впервые за три года заметил, что ее улыбка не доходит до глаз.

— Подписал, — ответил я.

И мы пошли по стеклянному коридору к выходу. Я шел и смотрел на свой палец. Порез уже запекся, но на коже осталась тонкая красная ниточка — напоминание о том, что бумага острее, чем кажется.

И что кровь не врет.

ГЛАВА 2. Завтрак в 4К

Я проснулся от того, что надо мной зависла камера.

Маленькая, размером с рисовое зернышко, она парила в двадцати сантиметрах от моего лица, бесшумно жужжа, как назойливая муха. Дрон-оператор. Модель «Efir-Eye-7». Лера

настояла на том, чтобы мы взяли их в аренду для утреннего контента — «для атмосферы пробуждения».

— Доброе утро, спящий красавец, — раздался из динамиков голос Леры. Она стояла в дверях спальни, уже полностью одетая: белоснежный шелковый халат с монограммой «NV» (Николай Ветров), идеальный макияж, волосы уложены волосок к волоску. Часы на стене показывали 6:45 утра. — Камера включена. Ты в эфире уже три минуты. У нас 80 тысяч зрителей. Помашим им.

Я приоткрыл один глаз. В углу спальни горел красный индикатор основной студийной камеры — та, что транслировала нас на многомиллионную аудиторию в прайм-тайм. Утреннее шоу «Проснись с Ветровым» шло ежедневно с 7:00 до 9:00. Рейтинги утром были выше, чем у федеральных каналов.

Я сел на кровати, натягивая на лицо привычную маску «добродушного философа». Утренняя щетина, взлохмаченные волосы — это был мой бренд. «Естественность». Подписчики обожали видеть меня «настоящим»: сонным, слегка растерянным, таким же, как они.

— Привет, мои дорогие — сказал я в камеру, растирая лицо ладонями. — Только что проснулся. Знаете, это чувство, когда сон был лучше, чем реальность? Вот сейчас я именно там. Но я здесь. С вами. Потому что вы — моя реальность.

Чат слева от экрана взорвался сердечками и донатами.

«Ник, ты божественный!»

«Какая у тебя кожа! Чем пользуешься?»

«Расскажи про сон! Что снилось?»

Я улыбнулся в камеру той самой улыбкой, которую называли «терапевтической».

— Мне снилась гора. И я стоял на вершине. Один. Без камер. Только ветер. — Я сделал паузу. — А потом я проснулся и понял: гора — это вы. Моя аудитория. Моя опора.

Лера, стоящая за кадром, одобрительно кивнула. Она всегда знала, когда я попадаю в нужную интонацию.

— Ник, — сказала она мягким, воркующим голосом, который тоже был частью шоу. — Завтрак готов. Твои любимые оладьи с медом. Иди, пока не остыли.

Я поднялся с кровати. Дрон-оператор послушно отлетел на два метра, давая мне пространство для «естественного» движения. Я натянул спортивные штаны и пошел на кухню, чувствуя на спине взгляды восьмидесяти тысяч незнакомцев.

Кухня была стерильно-белой. Мраморная столешница, умная кофеварка, хлебница из массива ореха — всё это было подобрано командой декораторов под бренд «Эко-роскошь». На столе уже стояла тарелка с пышными оладьями, политыми янтарным медом, чашка с зеленым чаем и маленькая вазочка с живыми розами.

Алиса уже сидела за столом. Моей дочери было четырнадцать, и она ненавидела утренние эфиры с той яростью, на которую способны только подростки. Она сидела, уткнувшись в свой телефон, наушники в ушах, спасательный круг от реальности. Волосы нечесанные, глаза сонные, на футболке — надпись: «Я не в сети».

— Алиса, — позвал я, садясь напротив. — Доброе утро. Скажи нашим зрителям «привет».

Она даже не подняла глаз.

— Я занята.

Чат тут же взволновался:

«Ой, какие дети сейчас!»

«Ник, твоя дочь — копия тебя! Такая же бунтарка!»

«Алиса, ну скажи хоть слово! Мы любим тебя!»

Лера появилась из-за угла с подносом, на котором стоял свежавыжатый апельсиновый сок. Она поставила его передо мной, и я заметил, как ее пальцы сжались на краю подноса. Безупречный маникюр, ярко-алый лак. Она всегда говорила: «Красный — цвет победы».

— Алисочка, — сказала Лера тем же воркующим голосом. — Папа с тобой разговаривает. Это невежливо — игнорировать. Ты же знаешь, мы семья. Мы показываем пример.

Алиса подняла глаза. В них была такая ледяная ненависть, что мне стало не по себе. Она посмотрела на мать, потом на меня, потом на камеру, висящую в углу кухни, и четко, отдельно сказала:

— Мы не семья. Мы сериал.

Лера застыла. На секунду ее идеальная маска дрогнула. Я видел, как дернулся ее глаз — левый, тот самый тик, который появлялся только в моменты настоящей ярости.

— Алиса, — я попытался сохранить контроль, улыбнувшись в камеру. — Дети — они такие. Сказать ничего не скажут, но возраст... переходный период. Мы все через это прошли, правда, мои дорогие?

Чат закивал:

«Да, Ник, мы понимаем!»

«У меня тоже дочь-подросток! Это ад!»

«Ник, ты золотой! Терпи!»

Лера села за стол. Она улыбалась. Эта улыбка была отрепетирована до миллиметра: уголки губ подняты на тридцать градусов, глаза чуть прищурены, голова слегка наклонена вправо — ее «фирменный» ракурс.

— Алиса, — сказала она, и в голосе послышалась сталь, прикрытая медом. — Ты не хочешь попробовать оладьи? Я специально приготовила их по твоему рецепту. С шоколадной крошкой.

Алиса даже не взглянула на тарелку.

— Я не голодна.

Лера медленно, очень медленно, взяла свою чашку с зеленым чаем. Она поднесла ее к губам, отпила маленький глоток, и я увидел, как под столом, на ее коленях, сжалась в кулак правая рука. Ее пальцы побелели от напряжения. Дорогой маникюр, идеальные ногти — они впились в собственную ладонь так сильно, что я услышал хруст.

Треск.

Она сломала ноготь.

Лера даже не дернулась. Ее лицо осталось абсолютно спокойным, как у статуи. Она продолжала улыбаться в камеру, делая еще один глоток чая, будто ничего не произошло. Но под столом, я видел, как из-под сломанного ногтя выступила капля крови. Она быстро промокнула ее салфеткой, не меняя выражения лица.

Я вдруг понял, что мы играем в какую-то страшную игру. Я — смотрю на жену и вижу чужого человека. Она — смотрит на дочь и видит конкурентку. Алиса — смотрит на нас обоих и видит актеров.

И в центре всего этого — камера. Трансляция. 80 тысяч зрителей, которые ждут нашего следующего хода.

Я взял оладьи. Откусил кусок. Мед был слишком сладким, до тошноты.

— Вкусно, Лер — сказал я, чувствуя, как ком встает в горле. — Ты лучшая.

— Я знаю, милый, — ответила она, и улыбнулась чуть шире.

В этот момент в чате прилетело новое сообщение от пользователя с ником **«ТеньПрофессора»**:

«Ты уверен, что хочешь есть то, что она готовит?»

Я замер. Сердце пропустило удар. Я быстро моргнул, надеясь, что это просто глюк, усталость. Но сообщение исчезло, растворившись в потоке сердечек и смайликов.

Я перевел взгляд на Леру. Она спокойно доедала оладьи, улыбаясь камере.

Под столом она сжимала в кулаке сломанный ноготь, спрятав окровавленную руку в складках шелкового халата.

А Алиса, не поднимая головы от телефона, написала кому-то в мессенджере одно слово: *«Спасите»*.

Чат ликовал. Трансляция шла по плану. Рейтинги росли.

Мы завтракали в 4К.

ГЛАВА 3. Алиса не хочет играть

После завтрака я должен был провести получасовую сессию «личного времени» — контент для премиум-подписчиков. Я сидел в своем домашнем кабинете, обставленном под старый лондонский клуб: кожаное кресло, камин (электрический, но с красивым пламенем), стены в книжных шкафах. Настоящие книги. Бутафорские. Команда декораторов купила их на вес, по 200 рублей за килограмм.

Камера смотрела на меня с полки. Я говорил о доверии, о важности семейных ценностей, о том, как мы, взрослые, должны слышать своих детей. Слова лились легко, как вода из крана, — автоматическая речь, отрепетированная до автоматизма.

— ...поэтому, мои дорогие, если ваш ребенок закрывается в комнате, не думайте, что он вас ненавидит. Он просто ищет себя. И ваша задача — быть рядом, даже когда вас не пускают внутрь...

Закончив, я отключил трансляцию, и в ту же секунду услышал грохот из комнаты Алисы. Что-то тяжелое упало на пол.

Я вышел в коридор. Подошел к двери дочери. На двери висела табличка, которую Алиса нарисовала фломастерами: **«ЗАПРЕТНАЯ ЗОНА. ВХОД ТОЛЬКО ПО ПРИГЛАШЕНИЮ»**. Раньше это казалось милым. Сейчас — угрожающим.

Я постучал.

— Алиса? Ты как?

Тишина. Потом приглушенный голос:

— Отвали.

Я вздохнул. Камеры в коридоре не было — только тот самый микрофон в вентиляции. Я знал, что нас не слышат, если мы говорим шепотом. Система «Эфира» реагировала на громкость.

— Дочь, — сказал я тихо, почти беззвучно. — Открой. Я без камер. Честно.

За дверью повисла тяжелая пауза. Потом щелкнул замок. Дверь приоткрылась на сантиметр. В щели показался один глаз Алисы — ее левый глаз, такой же, как у Леры, но без той хищной искорки. В нем была только усталость.

— Ты всегда с камерами, пап. Даже когда их нет.

— Нет камер. Клянусь.

Она открыла дверь шире и отступила назад, впуская меня.

Комната Алисы была ее крепостью. Стены увешаны постерами групп, которых я не знал, — с размазанными лицами и странными названиями типа «Пепел» и «Нулевой меридиан». На столе — ноутбук, наушники, горы тетрадей. И главное — окно. Шторы были задернуты, но я знал, что за ними — вид на город, на огни, на этот бесконечный белый шум.

— Что случилось? — спросил я, присаживаясь на край ее кровати.

Алиса стояла у стола, скрестив руки на груди. Она была в своей любимой футболке с надписью «*Я не в сети*» — той самой, что она носила уже два года.

— Сегодня в школе, — начала она, и голос ее дрогнул. — Ко мне подошла девочка. Новая. Ее зовут Катя. Она сказала, что обожает наше шоу. Что она смотрит меня каждое утро. Что я — ее кумир.

Она сделала паузу.

— А потом она спросила, можно ли сфотографироваться со мной в туалете. Чтобы сделать селфи «без камер». Настоящее.

Я почувствовал, как внутри все сжалось.

— И что ты ответила?

— Я разрешила. — Алиса посмотрела на меня, и в ее глазах блеснули слезы. — А она сделала фото и тут же выложила его в сеть. С подписью: «Алиса Ветрова в реальной жизни. Смотрите, она такая же, как мы! Просто сидит на унитазе!» Пап, она не спросила. Она просто выложила. Мои одноклассники теперь это мемом называют. «*Алиса Ветрова — королева толчка*».

Голос у нее сорвался. Она отвернулась.

— Я ненавижу это, — прошептала она. — Ненавижу, что моя жизнь — это контент. Ненавижу, что я не могу просто пописать в школе, чтобы это не стало новостью. Ненавижу, что мама смотрит на меня как на аксессуар. Ненавижу, что ты... ты даже не замечаешь, что я уже не ребенок.

Я хотел обнять ее. Я встал, сделал шаг вперед, протянул руки.

— Алиса, я...

— Не надо, — сказала она, отступая. — Ты пахнешь камерой. Ты всегда пахнешь камерой.

Она указала на мою грудь. Я посмотрел вниз. На лацкане моего пиджака висел маленький, незаметный микрофон-петличка, который Лера прикрепила утром. Я даже не почувствовал.

— Ты обещал, — прошептала Алиса. — Ты сказал, что без камер.

— Я не знал, — ответил я, срывая микрофон с пиджака. — Я забыл. Я...

— Ты всегда забываешь, пап. Ты забыл, когда у меня в прошлом году был день рождения, потому что у тебя был стрим. Ты забыл, что я боялась темноты в пять лет, потому что ты снимал «эксперимент с детскими страхами» для своих подписчиков. — Она смотрела на меня с такой болью, что я почувствовал укол в сердце. — Ты забыл, как быть просто папой.

Она подошла к столу, открыла ящик и достала оттуда свой старый телефон. Тот, который был до того, как Лера купила ей новенький «Айфон» с камерой 4К.

— Смотри, — сказала она, протягивая мне экран.

Я взял телефон. На экране была открыта страница моего канала «Эфира». Не моего личного профиля — а общего семейного. Там были десятки, сотни видео с Алисой. «Алиса учится рисовать». «Алиса играет с котенком». «Алиса плачет из-за двойки». «Алиса впервые идет в школу». «Алиса...» Тысячи просмотров. Тысячи комментариев.

Я прокрутил вниз. И замер.

Самое старое видео было подписано: «*Алиса. Роды. Эксклюзив. 12+*».

— Что это? — спросил я, чувствуя, как холодеет внутри.

Алиса усмехнулась, но в ее усмешке не было веселья.

— Это я, пап. Твой контент. С первого дня. Я не знала, что ты это снимал. Мама сказала, что это был просто домашний ролик для архива. А сегодня я случайно нашла его в общем доступе. 400 тысяч просмотров. Там видно все, пап. Всё.

Я смотрел на экран и не верил своим глазам. Роды. Моя дочь. Моя жена. Камера. Крупный план. И подпись — чьей рукой? Маркетинговый отдел? Лера? Я?

— Я не знал, — сказал я.

— Конечно, не знал, — ответила Алиса. — Ты никогда ничего не знаешь. Ты просто играешь свою роль.

Она взяла свой новый телефон — тот, с камерой — и подошла к окну. Отдернула штору. За окном был виден город, весь в огнях рекламных экранов, на которых мелькали лица блогеров, актеров, политиков.

— Смотри, пап. Там, на том билборде, — она указала на огромный экран через дорогу. На нем была наша семья. Идеальные улыбки. Идеальные олады. Идеальная жизнь. — Мы — товар. И я устала быть товаром.

Она поднесла телефон к лицу, включила камеру фронтального обзора, навела на себя.

— Привет, мои дорогие! — сказала она громко, неестественно веселым голосом. — Это я, Алиса Ветрова! Я больше не хочу в этом шоу участвовать!

Я рванул к ней, пытаюсь выхватить телефон.

— Алиса, прекрати! Это прямой эфир!

— Я знаю! — закричала она, отталкивая меня. — Именно поэтому!

Она развернулась к камере и сказала четко, глядя в объектив:

— Я ненавижу свою жизнь. Я ненавижу свою мать, которая продала меня еще в роддоме. И я ненавижу своего отца, который не видит дальше своего доната. Я ухожу из этого дома. Я больше не играю.

Она бросила телефон на кровать, подбежала к шкафу, схватила рюкзак и начала кидать туда вещи.

— Алиса, стой! — Я попытался схватить ее за руку, но она вырвалась.

— Не трогай меня! — закричала она. — Вы все — фальшивки! Мама — фальшивка! Ты — фальшивка! Единственное настоящее в этом доме — это я! И я ухожу!

В коридоре послышались шаги. Лера влетела в комнату, вся бледная. Ее глаза метались от меня к Алисе.

— Что происходит? У нас сейчас рейтинг падает! Я вижу в приложении, что Алиса вышла в эфир! Что она там сказала?! Срочно удаляйте! Я позвоню технической поддержке!

— Не надо, — сказал я тихо. — Она уже сделала это. Она вышла.

Лера посмотрела на Алису, на меня, на рюкзак в руках дочери.

— Ты никуда не пойдешь! — крикнула она, и в голосе ее впервые за долгие годы слышалась не актриса, а мать. — Ты — лицо проекта! У нас контракты, рекламные обязательства! Ты не имеешь права!

Алиса посмотрела на нее с презрением.

— Я — человек, мама. А не проект.

Она прошла мимо меня к двери, но на пороге обернулась. Посмотрела мне прямо в глаза.

— Когда я уйду, посмотри видео, которое ты не помнишь, как снимал. Оно лежит в твоём личном архиве. И когда поймешь, что к чему... может, тогда ты вспомнишь, что у тебя есть дочь.

Она вышла. Я слышал ее шаги по лестнице, потом хлопок входной двери. И тишина.

В этой тишине я слышал только гул серверов за стеной, вибрирующий в такт моему сердцу. И голос Леры, которая уже набирала кого-то по телефону:

— Алло? Это Лера Ветрова. У нас ЧП. Алиса сбежала. Срочно подготовьте заявление в пресс-службу: «Несогласие с отцом по поводу школьной программы». Не дайте этому выйти в топ. У нас рейтинг!

Я стоял посреди комнаты, сжимая в руке телефон Алисы. На экране все еще был открыт тот архив. Заголовок: «Алиса. Роды. Эксклюзив. 12+».

Я нажал «воспроизвести».

На экране появилась Лера. Молодая. Растерянная. Она лежала на больничной койке, вся мокрая от пота, и улыбалась в камеру. А рядом стоял я. Я помню этот день. Я помню, как держал ее за руку.

Но я не помнил, чтобы камера была включена.

— Ну что, Ник, — сказала Лера на видео. — Снимай. Это будет наш первый семейный контент. Как ты думаешь, сколько просмотров соберет рождение нашей дочки?

На видео я улыбнулся. Моя улыбка была такой же, как сегодня.

— Миллион, — ответил я.

И камера приблизилась к лицу новорожденной Алисы.

Я закрыл глаза. И впервые за три года заплакал.

ГЛАВА 4. Голос из холодильника

Дом без Алисы был как квартира без воздуха. Тишина давила на уши так сильно, что я слышал собственный пульс. Лера уехала в офис "Эфира" — "решать вопросы", как она выразилась. Скорее всего, она готовила пресс-релиз, где Алиса превращалась из бунтарки в "жертву школьного буллинга, которая временно нуждается в тишине". Эту историю мы продадим лучше всех. Лера умела продавать даже горе.

Я остался один. Впервые за три года. Без камер. Без команды. Без дочери. Только я и этот стерильный, идеальный дом с белыми стенами и умными устройствами, которые знали о моей жизни больше, чем я сам.

Было 22:47. Я сидел в гостиной на белом кожаном диване, сжимая в руке бокал с виски. Односолодовый, двенадцатилетней выдержки. Подарок от Штерна на прошлый день рождения. Тогда он сказал: «Пей этот виски, когда захочешь почувствовать себя человеком». Сейчас я понял, что он имел в виду.

Телефон вибрировал в кармане. Уведомления от "Эфира" сыпались одно за другим:

«Ваша аудитория снизилась на 12% за последний час. Рекомендуем выйти в экстренный эфир для стабилизации»

«Пользователь @TheShadow оставил комментарий: "Где твоя дочь, лжец?"»

«Предложение: срочная прямая линия с подписчиками. Тема: "Воспитание детей в цифровую эпоху". Нажмите "Да", чтобы запустить»

Я нажал "Нет". И выключил телефон. Полностью. Впервые за три года я был офлайн.

И тогда я услышал это.

Голос из холодильника.

Сначала я подумал, что это просто старый холодильник гудит. У нас была умная модель с сенсорным экраном на дверце, которая показывала, что лежит внутри, и напоминала, когда заканчивается молоко. Но этот звук был другим. Он был... ритмичным.

Я замер, прислушиваясь.

Бзз... Бзз... Бзз...

Словно кто-то стучал изнутри. Я поставил бокал на стеклянный столик и медленно поднялся. Босые ноги ступали по холодному кафельному полу кухни. Холодильник стоял у стены, белоснежный, сияющий, как фрагмент будущего. На его дверце горел зеленый дисплей: "Температура: +4°C. Срок годности продуктов: в норме".

Я открыл дверцу.

Внутри было обычное содержимое: йогурты, овощи, бутылка шампанского, коробка с шоколадными конфетами, которую Лера купила для съемок "романтического ужина". Холодный белый свет выхватил знакомые предметы.

И голос сказал:

— Я знаю, что ты ищешь.

Я захлопнул дверцу. Отскочил назад. Сердце колотилось где-то в горле.

— Кто здесь?! — крикнул я в пустоту.

Тишина. Только гул кондиционера и далекий звук автомобилей за окном.

— Это просто нервы, — сказал я себе. — Алиса ушла. Ты пьешь. Ты устал. Просто глюк.

Я снова открыл холодильник.

И замер.

На полке, между йогуртами и упаковкой тофу, лежал мой старый кожаный блокнот. Тот самый, который я потерял год назад. С синими обложками, с потертыми углами. Тот, в котором я делал записи, когда был еще настоящим психотерапевтом. Тот, который я искал повсюду — в офисе, в машине, в кабинете. Я думал, что оставил его в клинике, когда уволился.

— Откуда ты здесь? — прошептал я.

Я взял блокнот. Он был ледяным, как будто пролежал в морозилке месяц. Я открыл первую страницу. Там был мой почерк. Но не мой.

Текст был написан моей рукой, но я никогда не писал этих слов.

«Ник, не доверяй холодильнику. И не доверяй тишине. Они слышат всё. Даже когда ты спишь. Особенно когда ты спишь»

Я перевернул страницу.

«Они крадут время. Ты думаешь, что спишь? Ты думаешь, что отдыхаешь? Ты работаешь на них. Твой мозг — сервер. Твоя душа — контент. Единственный способ выиграть — перестать играть»

Я перевернул следующую страницу.

«Вспомни, что было вчера в 3:15 ночи. Ты не помнишь? Я помню. Я — ты. Тот, кого ты потерял. Приходи в мой кабинет. Тот, на улице Станиславского, дом 14, офис 7. Там есть ответы. И там есть...»

Текст обрывался. Страница была вырвана, неровный край остался в блокноте.

— Что за хрень? — прошептал я, чувствуя, как холодок пробегает по спине.

Я закрыл холодильник. Но вместо того, чтобы погаснуть, свет внутри остался гореть. И через матовое стекло дверцы я увидел, как внутри что-то движется. Тень. Человеческая тень.

Я снова открыл дверцу. Там никого не было. Только еда. И мои воспоминания в кожаном переплете.

И тогда умная колонка в углу кухни — та самая, что Лера купила для "озвучивания рецептов" — заговорила. Голосом Штерна. Но не его обычным, деловым тоном. Голосом, который звучал искаженно, как запись с замедлением:

— Ник... Ты подписал контракт... Кровь пролита... Ты теперь часть системы... Ты не можешь выйти... Ты не можешь даже уснуть...

Колонка зашипела, зажужжала и умолкла.

Я выбежал из кухни. Пробежал через гостиную, споткнулся о ковер, едва не упал. Влетел в спальню, захлопнул дверь, заперся на замок. Дышал часто, тяжело, как загнанный зверь.

Я сел на пол, прислонившись спиной к двери, и уставился на свои руки. Они дрожали.

— Это сон, — сказал я вслух. — Это просто сон. Я сплю. Я сейчас проснусь.

В кармане пиджака, который я бросил на стул, завибрировал телефон. Но я выключил его. Я его выключил.

Я медленно встал, подошел к пиджаку, достал телефон. Экран горел. Приложение "Эфир" было открыто. И в нем было новое уведомление.

«Доброй ночи, Ник. Ваш сон будет защищен. Сладких снов. До связи»

Я сбросил телефон на пол, как будто он был раскаленным. Он упал на ковер экраном вверх. В отражении черного стекла я увидел свое лицо.

Или не свое.

Мое лицо смотрело на меня, но у него были глаза Штерна. Холодные, стальные, смеющиеся.

Я зажмурился. Открыл. Отражение исчезло. Только мой растерянный, бледный, стареющий лик.

Я подошел к окну. За ним горел город. Сотни неоновых вывесок рекламировали счастье, любовь, успех. И среди них — один билборд. Самый большой. С нашей семьей. Счастливой. Улыбающейся.

Я смотрел на него и слышал голос из холодильника. Он шептал прямо в ухо:

«Ты думаешь, что проснулся. Но ты никогда не просыпался. Ты все еще в эфире. Всегда»

Я шагнул к двери спальни. Открыл ее. Коридор был пуст. Темный. Только красный огонек камеры в вентиляции горел, как глаз хищника.

Я подошел к вентиляционной решетке. Приставил палец к красному огоньку — к объективу. И сказал:

— Я знаю, что вы меня слышите. Передайте Штерну: я буду играть по вашим правилам. Но я узнаю правду. Даже если это убьет меня.

Красный огонек моргнул один раз. И погас.

В доме стало совсем темно. Только свет уличных фонарей пробивался сквозь шторы. Я стоял в темноте, сжимая в руке блокнот, и чувствовал, как что-то внутри меня меняется. Тот Ник, который был психотерапевтом, который верил в людей, который не подписывал контракты не читая, — он просыпался.

И он был в ярости.

Я вернулся в спальню, сел на кровать и открыл блокнот на первой странице. Там, внизу, мелким почерком, было дописано:

«P.S. Алиса не сбежала. Ее забрали. Ты сам отдал ее. Вспомни. 3:15 ночи. Ты звонил им. Ты сказал: "Заберите ее. Это спасет рейтинг"»

Блокнот выпал из моих рук.

Я закрыл глаза. И в голове начали всплывать обрывки памяти. Темнота. Дрожащие руки. Телефонная трубка. И голос Штерна на том конце:

«Ник, мы можем решить проблему с Алисой. На время. Она будет в безопасности. Мы отправим ее в школу-интернат на Лазурном берегу. Но ты должен сказать ей, что она сама так решила. Она должна уйти добровольно. Иначе рейтинг рухнет. Ты же хочешь спасти проект?»

И мой собственный голос — хриплый, чужой:

«Да. Заберите ее. Сегодня же».

Я открыл глаза. Слезы текли по щекам.

— Что я наделал? — прошептал я в пустоту.

И в ответ мне тихо, едва слышно, из наушников, которые лежали на тумбочке, раздался голос Алисы:

— Ты продал меня, пап. Ты продал нас всех. Теперь я живу с ними. Они сказали, что так надо. Для рейтинга.

Наушники замолчали.

А я сидел в темной комнате и понимал: "Эфир" не просто транслирует мою жизнь. Он управляет ею. Он управляет мной. Я уже не хозяин своего тела. Я — марионетка. И нитки дергает тот, кто платит за сервера.

Я взял телефон. Включил его. Набрал номер Алисы.

— Абонент временно недоступен, — сказал механический голос. — Пожалуйста, оставьте сообщение после сигнала.

Я нажал "отбой".

И тогда в дверь спальни постучали.

Тук. Тук. Тук.

— Ник? — раздался голос Леры. — Ты здесь? Я приехала. Я все уладила. Мы сделаем новое интервью с Алисой через Skype. Скажем, что она просто уехала на учебу.

Я не ответил.

— Ник? — Лера толкнула дверь. Заперто. — Открой. Нам нужно обсудить сценарий завтрашнего эфира. "Воспитание детей на расстоянии". Это будет хит.

Я смотрел на дверь. И впервые за три года я видел ее не как жену, не как партнера, не как мать моей дочери.

Я видел агента "Эфира". Куратора проекта "Ветров".

Я поднялся с кровати. Отпер дверь.

Лера стояла на пороге, улыбаясь своей идеальной улыбкой. Но в глазах ее не было тепла. Только расчет.

— Ты выглядишь уставшим, — сказала она. — Пойдем, я сделаю тебе чай.

Я посмотрел на нее, потом на холодильник в конце коридора, потом на свои руки, которые все еще дрожали.

— Я не хочу чай, — сказал я тихо. — Я хочу правду. Где Алиса?

Лера улыбнулась чуть шире.

— Она у бабушки. Просто у бабушки. В Подмоскovie. Побудет пару дней, остынет. Ты же знаешь подростков.

Она врала. И я знал это.

Но в этот момент в коридоре зажглись все умные лампы. На полную мощность. Ослепительный белый свет залил пространство. И из каждой колонки, из каждого динамика в доме раздался голос Штерна:

— *Добро пожаловать в новый день, Ник. Твоя трансляция возобновилась. У тебя 3 миллиона зрителей. Улыбнись.*

Я улыбнулся. Как робот.

Потому что я знал: камера включена. Всегда включена.

И "Эфир" никогда не спит.

ГЛАВА 5. Тот самый архив

Лера ушла в душ. Я слышал, как шумит вода, как она напевает какую-то мелодию — ту самую, из рекламы шампуня, которую мы снимали месяц назад. Она даже в душе не переставала быть частью шоу.

Я сидел в своей гардеробной — единственном месте в доме, где не было камер. Лера настояла на этом, когда мы въезжали: "Ник, у тебя должно быть личное пространство. В конце концов, ты же человек". Теперь я понимал, что это был не жест заботы. Это была клетка для моей настоящей личности. Там, где нет камер, я мог быть собой. Но я уже не знал, какой я настоящий.

В руках я держал старый ноутбук. Тот, который был у меня до того, как "Эфир" подарил мне новый, с встроенным приложением для прямых трансляций. Этот ноутбук я хранил в коробке из-под обуви — там, где Лера никогда не искала. Там, где лежали мои старые книги по психотерапии, дипломы и фотографии. Настоящие фотографии, на которых мы еще были счастливы. До "Эфира".

Я открыл ноутбук. Он загружался медленно — старая модель, с механическим жестким диском. Я ввел пароль. Тот, который использовал еще в клинике: "Тишина". Система загрузилась.

На рабочем столе был один-единственный ярлык: папка с названием "Архив. Личное".

Я дважды кликнул.

Внутри были сотни файлов. Документы, сканы, старые фотографии. И в самом низу — видеофайл с датой. Той самой датой. 3:15 ночи. Три дня назад.

Я помнил эту ночь. Я лежал в постели, проснулся от кошмара. Мне снилось, что я тону в море лайков, а люди вокруг меня превращаются в пиксели. Я встал, выпил воды и снова лег спать. Лера спала рядом. Я видел ее лицо в темноте.

Но я не помнил, чтобы что-то снимал.

Я нажал "воспроизвести".

На экране появился я. Но не тот я, который сидел с ноутбуком. Другой. Темный. Взломаченный. Глаза красные, опухшие от недосыпа. Я стоял в этой же гардеробной, но все вокруг было завалено бумагами. Я что-то искал. Лихорадочно. Как безумный.

На видео я говорил не в камеру, а в телефон, который держал в руке. Голос у меня был хриплый, срывающийся.

— ...да, я понимаю. Да. — Я на видео нервно смеялся. — Нет, они не должны знать. Это наш маленький секрет. Ты заберешь ее? — Пауза. — Да. Скажи им, что это на время. Скажи, что это для безопасности. Она сама согласится. Ты знаешь, как это сделать.

Я смотрел на себя с экрана и не узнавал. Этот человек был мной, но одновременно чужим. Его глаза — мои глаза — смотрели с пугающей пустотой.

На видео я улыбнулся. Улыбкой, которую я никогда не использовал на камере. Жестокой. Холодной.

— Она не должна знать правду. Ей скажут, что она уезжает по своей воле. В школу для одаренных. Она поверит. Она ребенок. — Я сделал паузу и добавил: — Главное, чтобы Лера не узнала. Если она узнает, наш план рухнет. Я не хочу терять всё из-за какой-то девочки.

Я нажал "паузу". Сердце колотилось так сильно, что я слышал его в ушах.

— Что за план? — прошептал я. — Что я за человек?

Я перемотал видео вперед. Там я уже стоял у окна, смотрел на ночной город. В руке — бокал с виски. Мой голос звучал тихо, почти как исповедь.

— Она не знает, что я сделал. Никто не знает. Штерн сказал, что это единственный способ. Если рейтинг упадет ниже 10 миллионов, мы потеряем всё. Дом, контракты, рекламодателей. Лера уйдет к нему, к тому хакеру из "Тени". Я знаю, что она спит с ним. Я знаю.

Я на видео повернулся к камере. Посмотрел прямо в объектив. В моих глазах была такая боль, что мне стало страшно.

— Ты слышишь, Ник? Ты слушаешь себя, который смотрит на тебя. Ты знаешь, кто ты? Ты человек, который продал свою дочь, чтобы спасти свой канал. Ты — монстр. Но ты сделал это не потому, что ты злой. Ты сделал это, потому что боишься. Боишься, что без "Эфира" ты никто. Боишься, что Лера уйдет. Боишься, что зрители забудут твоё лицо.

Я на видео заплакал. Впервые в жизни я видел себя плачущим. По-настоящему. С рыданиями, с икотой.

— Я ненавижу себя, — сказал я. — Но я не могу остановиться. Я уже перешел точку невозврата. Я уже продал ее душу. Осталось только продать свою.

Я на видео взял телефон и набрал номер. Я услышал, как на том конце ответил Штерн.

— Ты готов? — спросил Штерн.

— Да, — ответил я. — Забирай Алису. Завтра утром. Я сам скажу ей, что это ее идея.

Видео закончилось. Экран погас.

Я сидел в тишине, сжимая ноутбук так сильно, что пальцы побелели. Я не помнил этого. Ни единого слова. Ни единого момента. Это был я, но я не помнил.

И тогда я понял. "Эфир" не просто вживляет камеры в сетчатку. Он стирает память. Он удаляет те куски, которые тебе не нужны. Те куски, которые делают тебя человеком. Каждое утро ты просыпаешься с чистой совестью, потому что твоя совесть — это просто файл, который система удалила вчера ночью.

Я закрыл ноутбук. Встал. Подошел к зеркалу на двери гардеробной. Посмотрел на свое лицо. Те же глаза, те же морщины вокруг рта. Но внутри — пустота. Или не пустота. Там, внутри, был кто-то другой. Тот, кто смотрел на меня с видео. Тот, кто продал дочь.

— Ты — я, — прошептал я. — И я должен тебя остановить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.